

Наталья Шемелина

UNSPEAKABLE MATTERS

ПАНТЕРЫ

~~не могут любить~~

В ночи тишина,
слышу зверя шаги за спиной.
Мне все говорили:
Пантеры не могут любить.
И зубы в оскале
и меткой летящей стрелой,
готова напасть и бездушно меня укусить.
Чернеют огнем в бледном почерке мускусной ночи
глаза, что острее разбитых зеркал.
Оставив на коже когтями отчетливый росчерк,
разгневанно ждешь, чтоб противник безжизненно пал.
Последний бросок.
Ты готовишься стать моим богом.
Тяжелые лапы на плечи – уже не уйти.
Мне все говорят: Убивай!
Не могу... ты же кошка.
Я кошек не бью
и ладонью веду по шерсти.
Спина прогибается с каждым движением пальцев,
уже не оскал,
и растерянность ласковых глаз.
Ты – кошка, пантера, ты – зверь,
но той зимнею ночью,
забыв обо всем,
на груди моей преданно спал.

Иилу

Иилу занят.
Иилу ушел на обед:
хлеб, строганина, кумыс и еще хлеб,
ветер, степной простор, галоп,
свист стрелы, крик.
Иилу закрыл глаза.
Иилу хочет забыть этот миг.

Иилу знает закон:
Земля – мать его, Небосвод – отец.
Крутится колесо: где начало, а где конец?

Кровь волка в жилах его, острый взгляд орла,
но рука дрогнула, подвела.

Не покинула она тебя, не предала,
не исчезла, не сбежала – нашла покой и дом
там, где тропа лежит за крутым холмом,
там, где свистит Улан, где поет река.

Не покидала она тебя. Не предала.
Сладким сном уснула. Вспомни ее лицо.
Другого теперь назовет Отцом.

Не уберег, не спрятал, дитя обняла Охин.
Иилу знает закон. Он для всех един.
Иилу обедает: кумыс, строганина, хлеб.
Иилу хочет забыть, но память тугим кольцом
сжала виски, пульсирует, ветром бьет в лицо.

Крутится колесо.

А вы сидите на подоконнике

А вы сидите на подоконнике, когда грустно?

А вы слушаете Бетховена?

Там внизу как-то обыкновенно автобусы,
а под небом люстра,
словно нет никого,
или просто пусто.

Там люди что-то делают,
иногда смеются,
а в окнах свет,

а под небом все так же грустно,
под самым крайним и черно-синим,
главное, чтобы ноги не скользили.

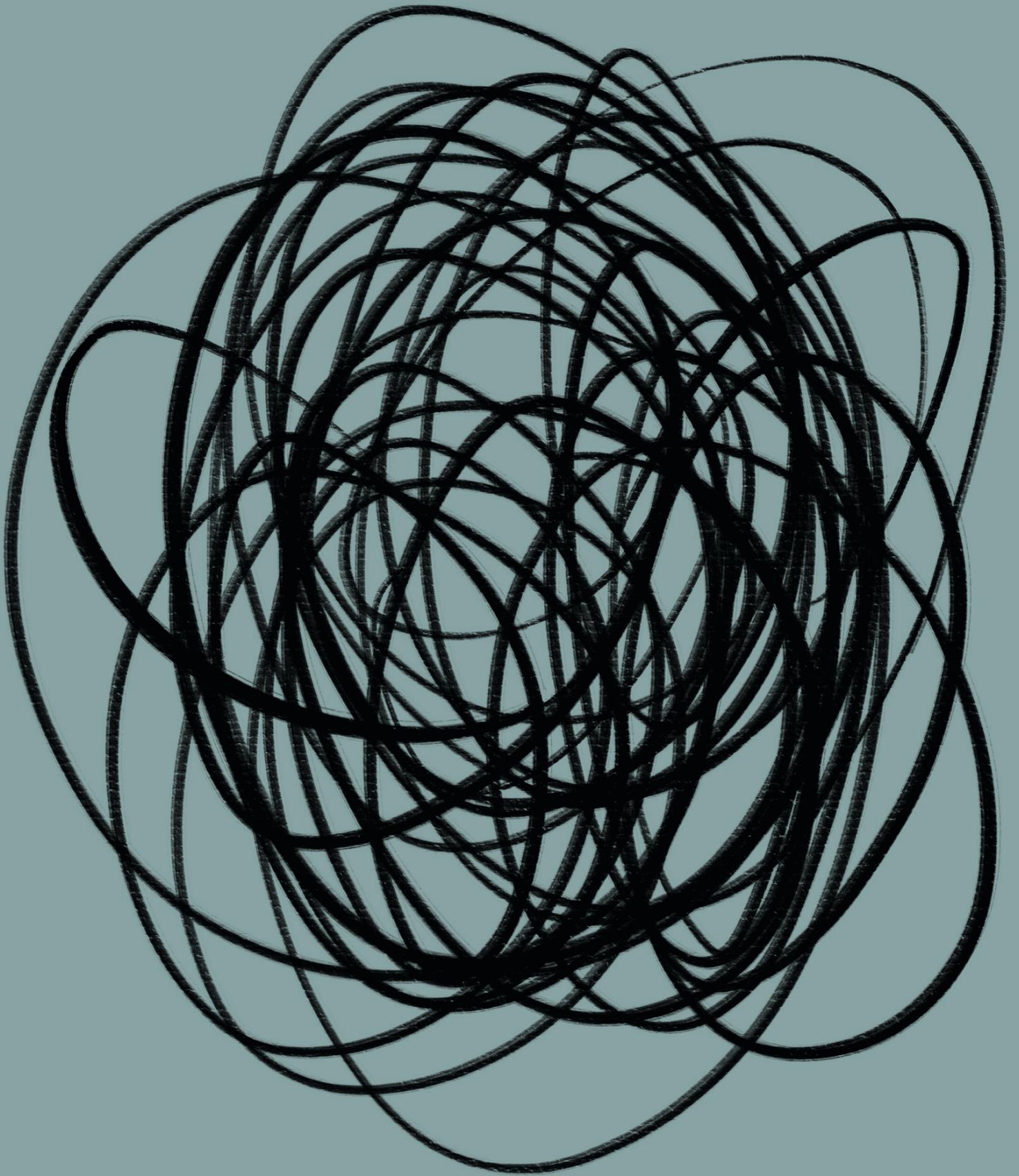
ГОРОДА ИЛИ КУДА УЛЕТАЮТ ПТИЦЫ

Этот город на стыке бульваров трещит по швам,
разрываясь потоком машин на зелено-красном,
из коротких отрезков затертых фонарных ламп,
заплетает узлы на дорогах солено-влажных.

Где с плакатных экранов над нами смеется бог,
наблюдая в красивых фразах гнилые мысли,
и в коротком рывке от земли до наоборот,
жизнь в кошачьих глазах таится.

Собирая, как бисер на нитку, кусочки дней,
время тени к земле приковало спицами,
этот город сегодня снова грустит о ней,-
люди тоже однажды становятся птицами.

И среди каменных замков и серых бетонных стен,
я исчезну в нем, в этих масках и полулицах,
Этот город вдруг станет так оглушительно нем,
когда ты однажды мне перестанешь снится.

СЕРДЦЕ- ВЕРЕТЕНО

Не мешай – я сама придумаю,
не подсказывай – не его вина.
Тебе сверху, верно, видно все,
только мне, увы, не понять.

Не прочесть то, что не написано,
все несказанные слова.
Погадать – было/не было?
Лучше бы не гадать.

Город шумный, солнцем балованный,
томный взгляд и улыбки соль.
Не его вина! Я сама придумала
его смех и его любовь.

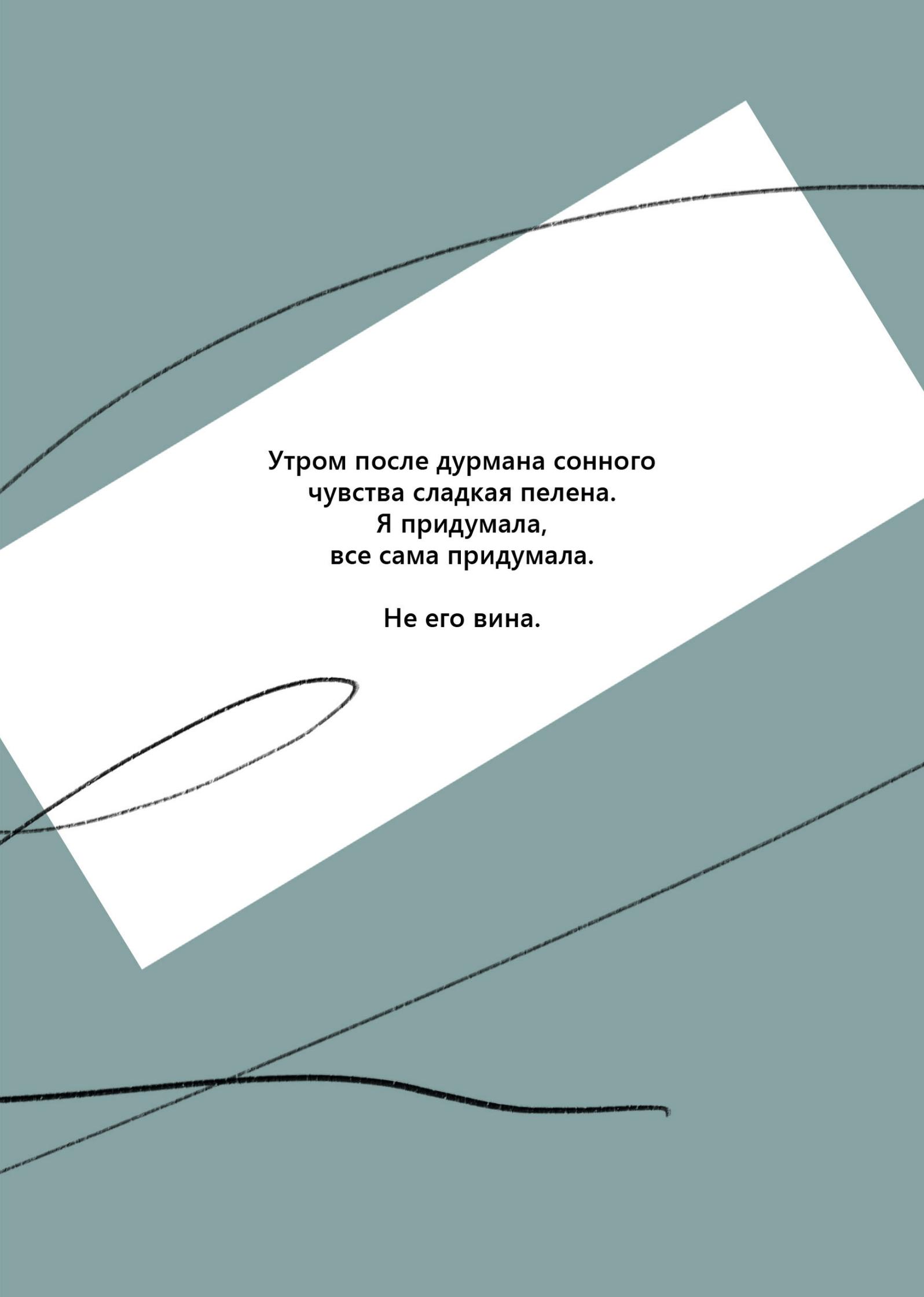
И во сне его руки теплые.
Не проснуться бы, не буди.
Тебе сверху, верно, видно все,
даже то, что в моей груди
сердце-веретено колотится,
крутит адское колесо.
Я сама придумала, передумала,
перебила уже давно.

Переехала,
перепахано
поле:
ни цветка, ни колоса, ни зерна –
только черная,
только длинная
тянется
борозда.

Заметет поутру белым инеем,
скроет с глаз – пластырем на мозоль.
Ты смеешься...
Тебе сверху видно все –
мою выдуманную любовь.

Я не вою, не плачу, не жалуясь,
не бегу на вороний крик.
Что ты смотришь так?
Тебе жалко что ли?
Все равно ты уже старик.
А ведь мог бы и посочувствовать,
подвести поближе,
свести мосты.
А получится/не получится –
ты же сам учил: не суди.

Ты сиди, поглядывай, да подмигивай,
как в немом кино.
Ох, как крутится, как колотится
сердце-веретено.

Утром после дурмана сонного
чувства сладкая пелена.
Я придумала,
все сама придумала.

Не его вина.

ЛУНА ПОВЕСИЛАСЬ

Черное небо и звезды в единое месиво.
«Смотрите... Луна повесилась!
Смотрите, она повесилась!»

Устала, склонила голову и, в окна пустые глядя,
в раскидистой пасти тополя непрошено задержалась –
схватила за гриву крепкую, зеленый накинув саван,
наполнила легкие ветром и глубже в листву упала.

А в шелесте листьев слышалось
молебном монотонным:
«Смотрите, луна повесилась,
оставшаяся бездомной...»

709

KY-

KY

ДВОЕ

В тот поздний час в толпе я Вас узнал.
Толпа жужжала, пробегая мимо,
в потоке бесполезной суеты.
Вы улыбались среди той толпы,
и из неё выхватывали лица,
и говорили с кем-то, но черты
не рассмотрел я – или не хотел.
И просто ждал. И доносился смех
и иногда Ваш робкий взгляд туда,
где я стоял у темного порога –
границе жизнью Вашей и моей.

Скользили двое среди теней:
– Вы помните? Ответьте, ради бога!

Я те воспоминания хранил, как драгоценность,
пересматривал порой я вновь и вновь их,
как огранщики алмазов шлифуют камни,
доводя до блеска их очертанья выверенных форм.

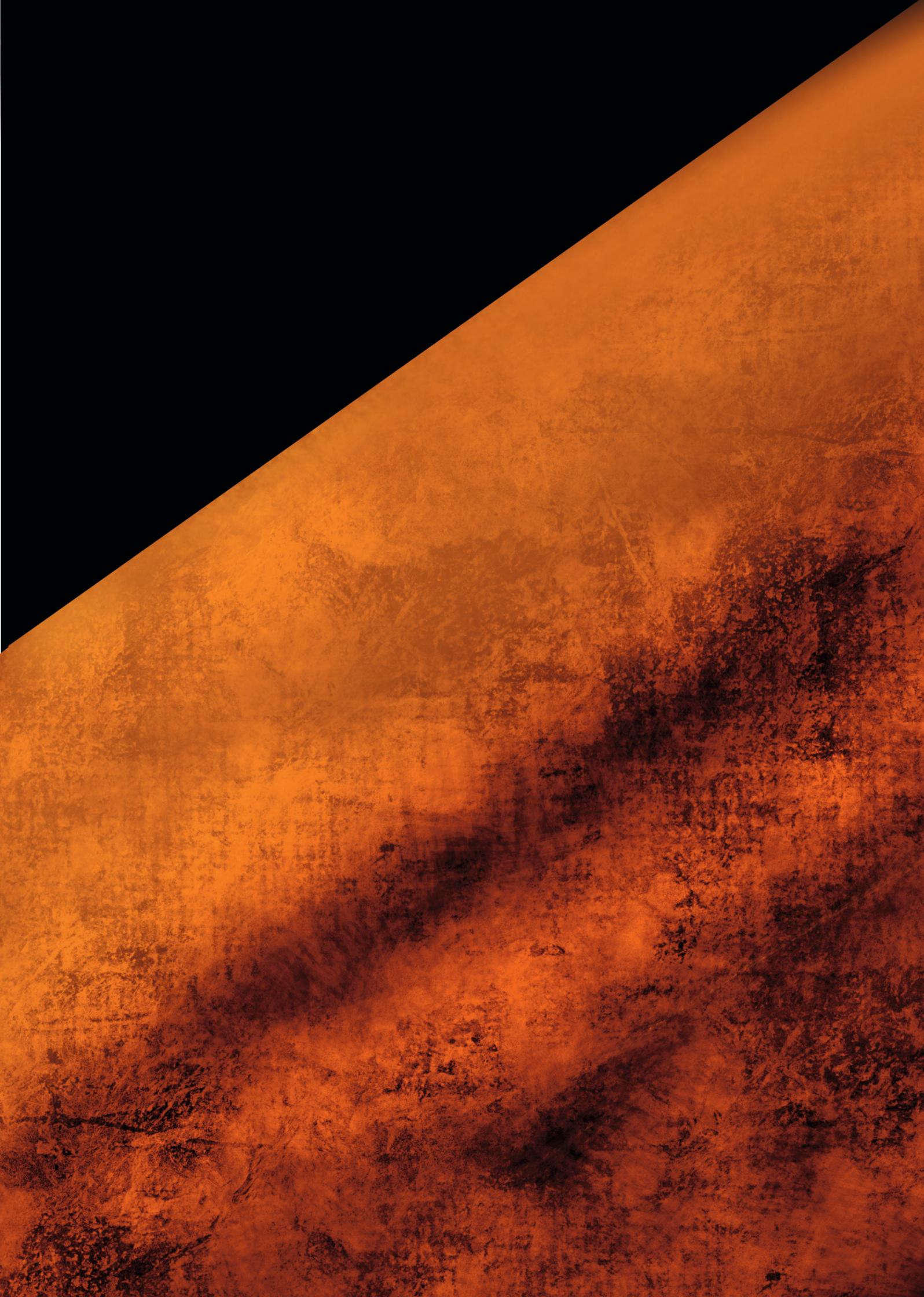
– Ну что же Вы молчите?!
Вопреки и логике, и здравому рассудку
я счастлив был остаться на минуту наедине.
Не вместе, ни один,
горбясь под тяжестью влекущего порока,
сжигаю Вас!

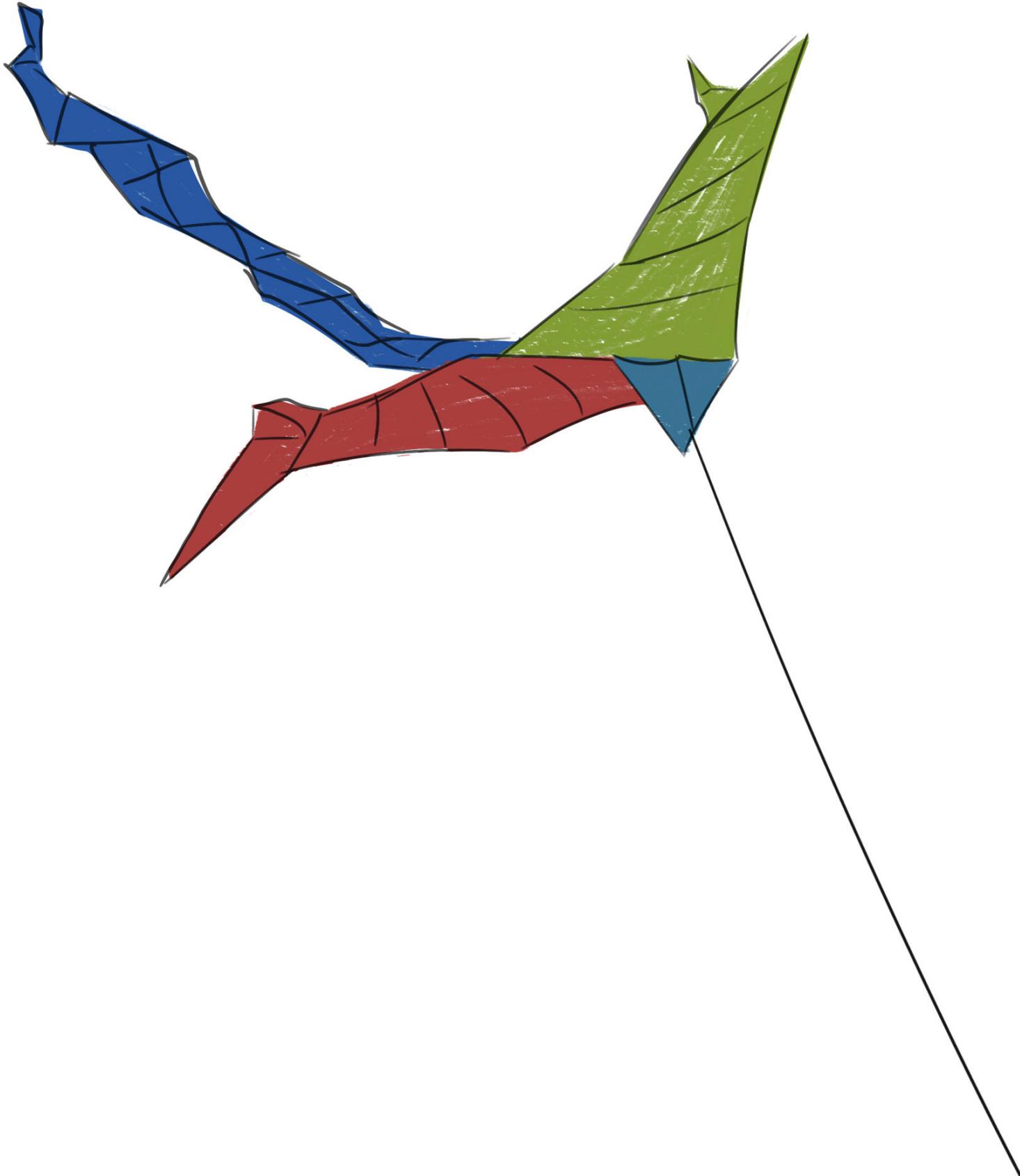
– Простите, ради бога!
Неудержимым жаром удержим.

И отпускаю, выпустив стрелу,
и наблюдаю, как уходите украдкой,
на простыне оставив запах сладкий
от сока Вашего,
пролитого когда
моя рука ласкала Ваши губы.

И утомленно выкурив в окно,
перебирая все воспоминания,
я понял, что, увы, не повторить
тот миг предчувствования
первого касания
ее руки...

ВОЗДУШНЫЙ ЗМЕЙ

Я был драконом важным
и летал по небу
над стаей нелюдимых мелких птиц,
и видел землю...

И, в запутанных веревками ресницах,
ловил ветра,
без ветра падал ниц.
И солнце, в лопастях картонных засыпая,
звало к себе.
Я, обрывая с каждым взмахом нить,
хотел на волю
от изученных, довлеющих границ.

И улетел... к свободе голосащей,
навстречу жару пристальных огней.
Но каждый день, меж прошлым-настоящим,
грустил на воле без руки твоей.

ГОРА

Стою у подножия хрупким лебедем,
глаза упираю в небо.
Передо мной гора –
выше в моей жизни не было.

1

Тянешь навстречу свою ладонь,
сжимаю горячие пальцы.
Один поцелуй, всего один,
лишь после готова расстаться.
Не оставь в неведения муке,
возьми мою руку,
проводи на гору, а на горе в пещеру.
Языки разные, души равные:
как объяснить, что я хочу,
что ты хотел?

Пепел костра выжженного
прошлого,
углём пиши по каменным стенам,
слова рассыпая крошками.

Всматриваюсь, глаза щуря:
черта за чертой,
волна за волной, сливаясь, плещутся.
И не понимаю,
злюсь на тебя и на букв мишуру,
скомканных вместе.

– Да или нет?
Вопрос простой. Жду ответа.
Ты улыбаешься.
На исходе лето.

2

Осень стучит в окно,
листьями асфальт глядя.
Я покупаю один билет
в кино,
на самолёт,
в рай.

Приду на встречу к Главному
и без смущения, дерзко задам вопрос:
– Что это было:
грезы, игра, любовь?

А он смеётся,
и в ответ протягивает карту.
На карте женщина и верблюд.
Тонкие нити тянутся от меня к нему.

3

Помнишь, февраль скользил
под ногами месивом луж?
На небе Луна, не заснуть,
мысли косулями скачут
от твоего к моему окну.

Лежу, слова перебираю,
взглядов и улыбок рой.
Я тебя, мне кажется, узнала
с прошлой жизни, той,
что за порогом была оставлена,
в новый день, начиная путь.
Ты тоже узнал, но решил:
забудь.

Написал.
 На конце предложения нет точки.
 Вечер клонит ко сну.

Что ж,
 гордость с обидой смешивая,
 сердце не заслону.
 Сердце открылось – чаша без края –
 льётся любовью на все вокруг:
 людей, машины, деревья, дома,
 город захлёбывается жаром:

ЛЮБЬ - ЛЮ

Разливаю любовь – мне не жалко.
 Пусть течёт меж людей,
 вдоль домов, дорог.
 Метро утонуло в нежности.
 Может быть кому-нибудь повезёт
 в ее волнах стать счастливым человеком.

Пусть так.
 Перечитываю сообщений строчки.
 МОЛЧУ

ОТПУСКАЮ

Удаляю (запятая)
 Август (точка)

ТУШИТЬ СПИЧКИ

Ах, эта ночь и ее свет!
Научите меня гасить звезды,
чтобы остаться в темноте...

Чтобы в одну из таких ночей,
когда ветер и снег за окном хороводы водят,
я не увидела как ко мне,
в чуть приоткрытую дверь,
кто-то черный входит.

Всхлипнет дитя,
просыпается сразу же мать.
- Что ж ты, малыш,
неуютно в твоей колыбели?
Ветер утихнет,
мы завтра пойдем гулять,
воздух так чист и свеж после первой метели.

Ветер бушует!
Лапы кривых ветвей
схватит и непременно бросит!
Слышу шаги...
Ах, зачем же, зачем,
светят в окно эти рыжие звезды?

Птица большая под потолком
пространство крылами мерит.

Взмахи считаю:
первый... второй...
Коварно в бессоннице время.

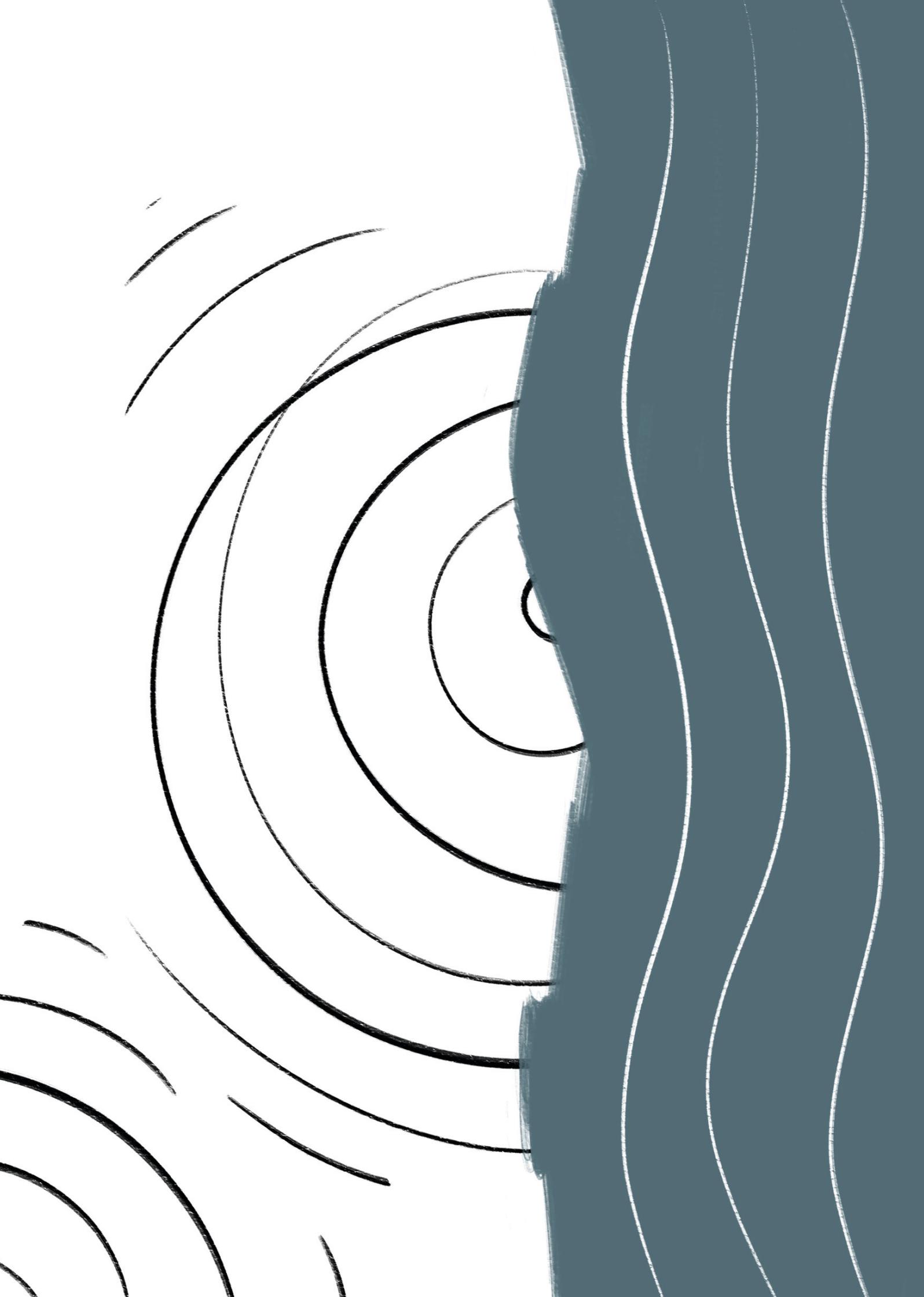
Вижу идет за мной.

А потом
какая-то женщина,
но вы не подумайте, не из тех,
вытрет мне потный лоб и потушит спички.

Скажет:
– Ты только держись!
У тебя еще столько дел.
и добавит –
у тебя глаза моей дочки.

Я прошу, научите меня гасить звезды,
чтобы остаться в темноте,
научите, пока не поздно.

ВОРОЖЕЯ- ВОДА

Растекалась живая вода в камышовой долине,
унисоном сливался крик аиста с песней реки.

Выходила из заводи, ноги укутала в тине,
раскрывала загадки, листая страницы судьбы.

Лист кленовый бросала, читала круги и узоры,
пальцем гладила линии рук, и гадала мне жизнь –

Синеокая дева со взглядом ручного дракона,
раскрывала ларец моих тайн, спрятанных от других.

Я лежал на воде, слушал шепот твоих откровений.

Мне признания глянцевого дам
равно грош под дыханьем твоим.

Унесла Ворожея-Вода мои прошлые слезы,
растворились в лесах камышовых утраты мои.

НЕБО. МАМЕ

Знаешь, небо сегодня простужено,
льет на землю докучливый дождь,
облака бледно-серыми лужами
наполняют проулки дворов.
Пешеходы доверчиво-сонные,
что с собою забыли взять зонт,
укрываются редкими кронами
потускневших осенних берез.
Разлетаются птичьими стаями
облака из распахнутых крыш,
только ветер, листвою играющий,
вдруг коснулся девичьих ресниц
и исчез в мутном мареве осени.
Миг за мигом сплетаются в час.
Знаешь, время – лишь тонкое кружево
из морщинок у маминых глаз.

Позову к себе небо, опустится,
и уснет, оброня росу.
Соберу это небо, как бусины,
и в ладонях тебе принесу.